

У 241
2НОН

4962

Изданія Н. Парамонова „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на Дону.

В. Алексѣевъ—Народовластіе въ древней Руси	15 к.
В. Алексѣевъ—Земскіе соборы древней Руси	10 к.
И. П. Бѣлоконскій—Разсказы. III т.	60 к.
И. П. Бѣлоконскій—Самоуправленіе и земство	5 к.
Е. И. Булгакова—Японія и японцы	20 к.
Е. И. Булгакова—Заря будущаго	25 к.
А. Ѳ. Быкова—Англія и англичане	15 к.
Б. Б.—Великая французская революція	15 к.
В. Водовезовъ—Всеобщее избирательное право на Западѣ	5 к.
Гауптманъ—Томъ 2-й (Ткачи и Извозчикъ Геншель)	30 к.
А. Горбуновъ—Гарантии личной свободы въ Англіи	10 к.
И. И. Дятлягинъ—Екатерининская комиссія	15 к.
И. И. Дятлягинъ—Роль челобитій и земскихъ соборовъ	15 к.
Н. Дубровскій—Іюль 1830 г. во Франціи	7 к.
С. Живаго—Страница изъ исторіи народнаго освобожденія въ Швейцаріи	6 к.
Е. Звягинцевъ—Общественное движеніе въ Россіи	20 к.
К. Каутскій—Ирландія	7 к.
К. Каутскій—Противорѣчія классовыхъ интересовъ во Франціи въ 1789 г.	15 к.
К. Каутскій—Развитіе формъ государства	7 к.
А. Кизеветтеръ—Изъ исторіи законодательства въ Россіи XVII—XIX вв.	15 к.
А. Кизеветтеръ—Русское общество въ XVIII столѣтіи	15 к.
А. Кизеветтеръ—Деятнадцатый вѣкъ въ исторіи Россіи	10 к.
А. Кизеветтеръ—Протопопъ Аввакумъ	8 к.
А. Кизеветтеръ—Кузнецъ-Гражданинъ (изъ эпохи 60-хъ годовъ)	10 к.
Н. Карышевъ—Экономическія бесѣды	15 к.
Ѳ. Кокошкинъ—Бюджетный вопросъ въ государств. съ предст. правл.	20 к.
П. Лакомбъ—Исторія французскаго народа	25 к.
Лангманъ—Бартель Туразеръ, драма изъ рабочей жизни	15 к.
В. Мякотинъ—На зарѣ русской общественности	15 к.
Д. Петрушевскій—Великая хартія вольностей	15 к.
А. Пругавинъ—Прошлое и настоящее Шлиссельбургской крѣпости	8 к.
С. Прокоповичъ—Длина рабочаго дня по русскому законодательству	5 к.
В. Строевъ—Московское государство передъ реформами	10 к.
Семевскій—Изъ исторіи общественнаго теченія въ 40-хъ г.	15 к.
Б. С.—Трудъ и Капиталъ Первонач. свѣдѣнія по политич. экономіи	10 к.
В. Шерба—Исторія русской школы	10 к.
Лассаль—Сущность конституціи (2 рѣчи)	8 к.
Дарестъ—Бельгійская конституція	7 к.
С. Г. Сватиковъ—Созывъ народныхъ представителей	10 к.
Лассаль—Программа работниковъ	8 к.
Эрманъ-Шатрианъ—Исторія одного крестьянина	20 к.
Рожновъ—Исторія крѣпостнаго права въ Россіи	10 к.
Прокоповичъ—Аграрное движеніе	5 к.
Милоковъ—Верховники и шляхетство	15 к.
Карѣвъ—Французскіе писатели XVIII в.	10 к.
Бebelъ—Государство будущаго	10 к.
К. Каутскій—Соціальная реформа	25 к.
Энгельсъ—Жилищный вопросъ	10 к.
Зомбартъ—Соціализмъ въ XIX вѣкѣ	15 к.
Зомбартъ—Рабочее движеніе въ XIX вѣкѣ	20 к.
Феликсъ Гра—Марсельцы	25 к.
Котляревскій—Представительство совѣщательное	4 к.
Гадъ—Коллективизмъ	4 к.
Сторожевъ—Биографія Грановскаго	15 к.
Марксъ—Гражданская война	10 к.
Либкнехтъ—Отъ обороны къ нападенію	10 к.
Шиппель—Профессиональные рабочіе союзы	10 к.
Голубевъ—Роль земства	10 к.
Либкнехтъ—О налогахъ	5 к.

U 241
2404

И. А. Бунинъ.

Коллекція
Мл. Федосеевъ
Тризунова

Байбаки.

Изданіе „Донская Рѣчь“ Н. Парамонова въ Ростовѣ н-Д.

Ростовъ на Дону.
Типографія „Донская Рѣчь“,
1905.

До во ено цензурою 9 Сен'яоря 1905 г. Ростовъ н-Д.

Байбақи.

Разсказъ М. Я. Бухика.

I.

Темнѣть, и къ ночи поднимается вьюга...

Завтра Рождество, большой, веселый праздникъ, и отъ этого еще грустнѣе кажутся непогожія сумерки, безконечная, глухая дорога и пустынное поле, утопающее во мглѣ поземки. Небо все ниже нависаетъ надъ нимъ; слабо брезжить синевато-свинцовый свѣтъ угасающаго дня, и въ туманной дали уже начинаютъ появляться тѣ блѣдныя, неуловимыя огоньки, которые всегда мелькаютъ предъ напряженными глазами путника въ зимнія степныя ночи...

Кромѣ этихъ зловѣщихъ, таинственныхъ огоньковъ, уже въ полуверстѣ ничего не видно впереди. Хорошо еще, что морозно, и вѣтеръ легко сдуваетъ съ дороги жесткій снѣгъ. Но зато онъ бьетъ имъ въ лицо, засыпаетъ съ шипѣньемъ придорожныя досовыя вѣшки, отрываетъ и уноситъ въ дыму поземки ихъ почернѣвшіе, сухіе листья, и глядя на нихъ, чувствуешь себя затеряннымъ гдѣ-то въ пустынѣ среди вѣчныхъ сѣверныхъ сумерекъ...

Въ плѣ, далеко отъ большихъ проѣзжихъ путей,

далеко отъ большихъ городовъ и желѣзныхъ дорогъ, стоитъ хуторъ. Даже деревушка, которая когда-то была возлѣ самаго хутора, уже лѣтъ тридцать гнѣздится верстахъ въ пяти отъ него, такъ что ее не видно изъ хуторской усадьбы. Хуторъ этотъ господа Баскаковы много лѣтъ тому назадъ наименовали Лучезаровкой, а деревушку—Лучезаровскими Двориками.

«Лучезаровка!» Какой ироніей звучитъ теперь это названіе! Шумитъ, какъ море, вѣтеръ вокругъ нея, и на дворѣ по высокимъ, бѣлымъ сугробамъ, какъ по могильнымъ холмамъ, исподтишка курится поземка. Эти сугробы окружены далеко другъ отъ друга разбросанными постройками: маленькимъ господскимъ флигелемъ, «каретнымъ» сараемъ и «людской» избой. Всѣ постройки на старинный ладъ—низкія и длинныя. Флигель обитъ тесомъ; передній фасадъ его глядитъ во дворъ только тремя маленькими окнами; крыльца—съ навѣсомъ на столбахъ; большая соломенная крыша почернѣла отъ времени. Была такая-же и на людской избѣ, но теперь остался только скелетъ этой крыши, и узкая кирпичная труба возвышается надъ нимъ, какъ длинная шея...

И кажется, что усадьба вымерла: никакихъ признаковъ человѣческаго жилья, кромѣ начатаго омета соломы возлѣ сарая, ни одного слѣда на дворѣ, ни одного звука людской рѣчи! Все забито снѣгомъ, все спитъ безжизненнымъ сномъ подъ смутный напѣвъ степного вѣтра. Угрюмо чернѣютъ среди зимнихъ полей безмолвныя постройки. Волки бродятъ по ночамъ около дома, приходятъ изъ луговъ по саду къ самому балкону.

Когда-то... впрочемъ, кто не знаетъ, что было когда-то въ Лучезаровкахъ, и какъ превратились помѣщичьи гнѣзда въ «тырла»? Превратилась въ «тырло» и Баскаковская Лучезаровка, и вотъ при ней числится уже всего-на-всего двадцать восемь десятинъ распашной и четыре десятины усадебной земли. Бывшій владѣлецъ Лучезаровки, помещикъ Якова Петровича Баскакова, хозяйствовалъ сперва

на трехъ стахъ десятинахъ. Когда-же изъ нихъ осталось только двадцать восемь, онъ продалъ Лучезаровку Якову Петровичу, а самъ переселился въ городъ. Ему тридцать пять лѣтъ, и онъ еще надѣется, что будетъ счастливѣе въ городѣ, чѣмъ среди родныхъ полей.

Въ городъ давно переселилась и семья Якова Петровича. Глафира Яковлевна замужемъ за землемѣромъ, и почти круглый годъ живетъ у нея и Софія Павловна. Но Яковъ Петровичъ—старый степнякъ. Онъ на своемъ вѣку прогулялъ нѣсколько имѣній, но съ остатками отъ нихъ не пожелалъ переселяться въ городъ и кончать тамъ «последнюю треть жизни», какъ онъ выражался о человѣческой старости. Онъ остался въ Лучезаровкѣ. При немъ живетъ его бывшая крѣпостная, говорливая и крѣпкая старуха Лукерья; она няньчила всѣхъ дѣтей Якова Петровича и навсегда осталась при баскаковскомъ домѣ. Но кромѣ нея, Яковъ Петровичъ держитъ работника, замѣняющаго кухарку: кухарки не живутъ въ Лучезаровкѣ больше двухъ-трехъ недѣль.

— Кто-то у него будетъ жить!—говорятъ онѣ.— Тамъ отъ одной тоски сердце изноетъ!

Поэтому-то и замѣняетъ ихъ Судакъ, мужикъ изъ Лучезаровскихъ Двориковъ. Онъ человѣкъ лѣнливый и неуживчивый, но на Лучезаровскомъ хуторѣ ужился. Возить воду съ пруда, топить печи, варить «хлѣбово», мѣсить рѣзку бѣлому мерину и курить по вечерамъ съ бариномъ махорку—въ этомъ заключались всѣ обязанности Мотьки, котораго на деревнѣ звали за его безцвѣтные глаза «Судакомъ».

Землю Яковъ Петровичъ почти всю сдавалъ мужикамъ, домашнее хозяйство его было чрезвычайно несложно, и поэтому тихо было въ Лучезаровкѣ! Прежде, когда въ усадьбѣ стояли амбары, скотный дворъ и рига, усадьба еще походила на человѣческое жильѣ. Но на что нужны амбары, риги и скотные дворы при двадцати восьми десятинахъ, заложенныхъ въ банкѣ за 2.600 рублей? Благо-

зумѣ было ихъ продать, и хотя нѣкоторое время пожить на нихъ веселѣе, чѣмъ обыкновенно. И Яковъ Петровичъ продалъ спе, ва ригу, потомъ амбары, а когда употребилъ на топку весь верхъ со скотного двора, продалъ и каменные стѣны его. И неуютно стало въ Лучезаровкѣ! Жутко было-бы среди этого разореннаго гнѣзда даже Якову Петровичу, такъ какъ отъ голода и отъ холода Лукерья имѣла обыкновеніе почти на всѣ большіе зимніе праздники уѣзжать на село къ племяннику сапожнику, но къ зимѣ Якова Петровича выручалъ его другой, болѣе вѣрный другъ.

— Селямъ алекюмъ!—раздавался старческій веселый голосъ въ какой-нибудь хмурый осенній день въ «дѣвичей» Лучезаровскаго флигеля.

Какъ оживлялся при этомъ, знакомомъ съ самой крымской кампаніи, татарскомъ привѣтствіи Яковъ Петровичъ! У порога дѣвичей почтительно стоялъ и улыбаясь раскланивался съ нимъ маленькій, сѣдой человѣкъ, уже разбитый, хилый, но всегда веселый, какъ всѣ бывшіе дворовые люди. Это прежній деньщикъ и старинный другъ Якова Петровича, Гервасій Тимофеевичъ Ковалевъ. Сорокъ лѣтъ прошло со времени крымской кампаніи, но каждый годъ онъ является передъ Яковомъ Петровичемъ и привѣтствуетъ его тѣми словами, которыя напоминаютъ имъ обоимъ Крымъ, охоты на фазановъ, ночевки въ татарскихъ сакляхъ...

— Алекюмъ селямъ!—весело восклицалъ и Яковъ Петровичъ.—Живъ?

— Да вѣдь Севастопольскій герой-то!—отвѣчалъ Ковалевъ.

Яковъ Петровичъ съ улыбкой осматривалъ его: все такой-же! Даже одежда та-же: тулупъ, крытый солдатскимъ сукномъ, старенькая поддевочка, въ которой Ковалевъ казался сѣденькимъ мальчикомъ, поярковыя валенки, которыми онъ такъ любилъ похвалиться, потому что они поярковыя...

— Какъ васъ Богъ милуетъ?—продолжалъ онъ.

Яковъ Петровичъ осматривалъ и себя. И онъ все такой-же: плотная фигура, сѣдая стриженная голова, сѣдые усы, добродушное, безпечное лицо съ маленькими глазами и польскимъ бритымъ подбородкомъ, эспаньолка...

— Байбакъ!—говорилъ онъ, наконецъ, про себя.— Ну, раздѣвайся, раздѣвайся! Гдѣ пропадалъ? Удиль, огородничалъ?

Ковалевъ съ тѣхъ поръ, какъ Яковъ Петровичъ окончательно оѣднѣлъ, ходитъ къ нему только на зиму. Лѣтомъ онъ огородничаетъ, занимается рыбной ловлей, гоститъ у богатыхъ помѣщиковъ, которые еще охотятся...

— Удиль, Яковъ Петровичъ,—отвѣчалъ онъ, снимая тулупъ.—Тамъ посуды половой водой унесло нынѣшній годъ и не приведи Господи!

— Значитъ, опять въ блиндажахъ сидѣлъ?

— Въ блиндажахъ, въ блиндажахъ...

— А табакъ есть?

— Есть немного.

— Ну, садись, да давай завертывать.

— Какъ Софія Павловна?

— Въ городѣ. Я былъ у нея недавно, да удралъ скоро. Тутъ скука смертная, а тамъ еще хуже. Да и зятекъ мой любезный... Ты знаешь, какой человѣкъ... Ужаснѣйшій холлопъ и интересанъ! Куски считаетъ...

— Изъ хама не сдѣлаешь пана,—соглашался Ковалевъ.

— Не сдѣлаешь, братъ... Ну, да чортъ съ нимъ!..

— Какъ ваша оота?

— Да все пороху, дроби нѣту. На-дняхъ разжился, пошелъ, пришибъ одного косолобаго... Громадный русачина!

— Ихъ нынѣшній годъ страсть!

— Про то и толкъ-то. Завтра чѣмъ свѣтъ зальемся.

— Обязательно.

— Я тебѣ, ей-Богу, отъ всей души радъ!

Ковалевъ весело усмѣхался.

— А шашки цѣлы?—спрашивалъ онъ, свернувъ цыгарку и подавая Якову Петровичу.

— Цѣлы, цѣлы. Вотъ давай обѣдать и срѣжемся!..

II.

Темиѣтъ. Наступаетъ предпраздничный вечеръ, но невезело встрѣчаетъ его Яковъ Петровичъ!

По мѣрѣ того какъ на дворѣ разыгрывается метель, и все больше заноситъ снѣгомъ окошко, все холоднѣе и сумрачнѣе становится въ «дѣвичьей» баскаковскаго флигеля. Это старинная комната съ низкимъ потолкомъ, съ бревенчатыми, черными отъ времени стѣнами и почти пустая: подъ окномъ длинная лавка, около лавки простой деревянный столъ, противъ стола, у стѣны, комодъ, въ верхнемъ ящикѣ котораго стоятъ тарелки. Дѣвичьей по справедливости она называлась уже давнымъ-давно, лѣтъ сорокъ—пятьдесятъ тому назадъ, когда тутъ еще сидѣли и плели при свѣтѣ «каганца» кружева дворовыя дѣвки. Теперь «дѣвичья» превратилась въ одну изъ жилыхъ комнатъ самого Якова Петровича. Весь флигель состоитъ изъ пяти небольшихъ комнатъ: одна половина, окнами на дворъ—изъ «дѣвичьей», «лакейской» и кабинета среди нихъ; другая окнами въ вишневый садъ—изъ гостиной и зала. Но зимой лакейская, гостиная и залъ не топятся, и тамъ пусто и такъ холодно, что въ залѣ насквозь промерзаютъ и ломберный столъ и портретъ Николая I.

Теперь въ этотъ непогожий предпраздничный вечеръ, въ «дѣвичьей» особенно неуютно и скучно. Яковъ Петровичъ сидитъ на лавкѣ, поглаживаетъ подбородокъ и курить. Ковалевъ стоитъ у печки и, склонивъ голову, тоже курить. Оба въ шапкахъ, валенкахъ и шубахъ; баранье пальто Якова Петровича надѣто прямо на бѣлье и подпоясано полотенцемъ. Смутно виденъ въ сумракѣ тихо

плавающей по комнатѣ синеватый дымокъ махорки. Слышно, какъ дребезжать отъ вѣтра разбитыя стекла въ окнахъ гостиной. Метель бушуетъ кругомъ флигеля и часто прерываетъ разговоръ его обитателей: все кажется, что кто-то подѣхалъ.

— Постой!—вдругъ останавливаетъ Ковалева Яковъ Петровичъ.—Должно быть, это онъ.

Ковалевъ смолкаетъ. И ему почудился скрипъ саней у крыльца, чей-то голосъ, невнятно донесшійся сквозь шумъ метели.

— Поди-ка, посмотри,—должно быть, пріѣхалъ!

Но Ковалеву вовсе не хочется выбѣгать на морозъ, хотя и онъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ возвращенія Судака изъ села съ покупками. Онъ прислушивается очень внимательно и рѣшительно возражаетъ:

— Нѣтъ, это вѣтеръ.

— Да что тебѣ, трудно поглядѣть-то?

— Да что-жъ смотрѣть, когда никого нѣту?

Яковъ Петровичъ вздергиваетъ плечами: онъ начинаетъ раздражаться...

Такъ было все хорошо складывалось... Пріѣзжалъ богатый мужикъ изъ Калиновки съ просьбой написать прошеніе къ земскому начальнику (Яковъ Петровичъ славится въ околоткѣ, какъ сочинитель прошеній) и привезъ за это курицу, бутылку водки и рубль денегъ... Правда, водка была выпита при самомъ сочиненіи и чтеніи прошенія, курица въ тотъ же день зарѣзана и съѣдена, но рубль остался цѣлъ,—Яковъ Петровичъ поберегъ его къ празднику... Потомъ вчера утромъ внезапно явился Ковалевъ и принесъ съ собой кренделей, полтора десятка яицъ, да еще 63 копейки денегъ. И старики были веселы и долго обсуждали, что купить къ празднику. Въ концѣ концовъ, развели въ чашкѣ сажи изъ печки, заострили спичку и жирными крупными буквами написали такую записку въ село къ лавочнику.

«Въ харчевню Николай Иванова. Отпусти 1 ф. ма-

хорки полуотборной, 1.000 спичекъ, 5 сельдей маринovanýchъ, 2 ф. масла конопляннаго, 2 осмушки фруктоваго чаю, 1 ф. сахару и 1½ ф. жамокъ мятныхъ.

Но Судака нѣтъ съ самаго утра. А это влечетъ за собой то, что предпраздничный вечеръ пройдетъ вовсе не такъ, какъ думалось, и, главное, придется самимъ итти за соломой въ ометъ: отъ вчерашняго дня соломы осталось въ сѣнцахъ очень немного. И Яковъ Петровичъ раздражается, и все начинаетъ рисоваться ему въ мрачныхъ краскахъ.

Мысли и воспоминанія идутъ въ голову самыя нежелательныя... Вотъ ужъ около полугода онъ не видалъ ни племянника, ни жены, ни дочери... Помогаютъ они ему очень плохо... Подло съ нимъ, вообще, поступаютъ... И жить на хуторѣ становится съ каждымъ днемъ все хуже и скучнѣе...

— А, да чортъ ихъ побери совсѣмъ!—говоритъ Яковъ Петровичъ свою любимую фразу, которой онъ всегда успокаивалъ себя въ плохихъ обстоятельствахъ.

Но сегодня это не успокаиваетъ...

— Ну, и холода же завернули!—говоритъ Ковалевъ.

— Ужаснѣйшій холодъ!—подхватываетъ Яковъ Петровичъ.—Вѣдь тутъ хоть волковъ морозы! Смотри... Хх! Паръ отъ дыханія видно!

— Да,—продолжаетъ Ковалевъ монотонно.—А вѣдь, помните, мы подъ новый годъ когда-то цвѣточки ревали въ однихъ мундирчикахъ! Подъ Балаклавой-то...

И опускаетъ голову.

— А онъ, видимое дѣло, не приѣдетъ,—говоритъ Яковъ Петровичъ, не слушая.—Мы въ дурацкой ажитаци, ни больше, ни меньше!

— Не ночевать же онъ останется въ харчевнѣ!

— А ты что думаешь? Ему очень нужно!

— Положимъ, здорово мететь...

— Ничего тамъ не мететь. Обыкновенно, не лѣто...

— Да вѣдь трусь государственный! Замерзнуть боится...

— Да какъ же это замерзнуть? День, дорога знако-

мая... Только вѣдь эти хамы на-зло готовы нашему брату всегда нагадить!

— Пойдите!—перебиваетъ Ковалевъ.—Кажется, подвѣхаль...

— Я говорю тебѣ, выйди, посмотри! Ты, ей Богу, совсѣмъ отетеревѣлъ нынче! Надо же самоваръ ставить и соломы надергать.

— Да вѣдь, конечно, надо. А то что-жъ тамъ сдѣлаешь ночью?

Ковалевъ соглашается, что итти за соломой необходимо, но ограничивается приготовлениями къ топки: онъ подставляетъ къ печкѣ стулъ, взлѣзаетъ на него, открываетъ заслонку и вынимаетъ вьюшки. Въ трубкѣ начинаетъ завывать на разные голоса вѣтеръ.

— Впусти хоть собаку-то!—говоритъ Яковъ Петровичъ.

— Какую собаку?—спрашиваетъ Ковалевъ, кряхтя и слѣзая со стула.

— Да что ты дуракомъ-то прикидываешься? Флембо, конечно,—слышишь, визжитъ.

Дѣйствительно, Флембо, старая сука изъ породы се-теровъ, жалобно повизгиваетъ въ сѣнцахъ.

— Надо Бога имѣть!—прибавляетъ Яковъ Петровичъ.—Вѣдь она замерзнетъ... А еще охотникъ! Лодырь ты, братъ, какъ я погляжу! Ужъ правда, байбакъ.

— Да оно и вы-то, должно быть, изъ той же породы,—улыбается Ковалевъ, открываетъ дверь въ сѣнцы и выпускаетъ въ «дѣвичью» Флембо.

— Затворяй, затворяй, пожалуйста!—кричитъ Яковъ Петровичъ.—Такъ и понесло по ногамъ холодомъ... Кушь тутъ!—грозно обращается онъ къ Флембо, указывая пальцемъ подъ лавку.

Ковалевъ же, прихлопывая дверь, бормочетъ:

— Тамъ несетъ—свѣту Божьяго не видно!.. А, должно быть, скоро насъ потащутъ въ Богословское! Вотъ-вотъ о. Василий припожалуетъ за нами. Я ужъ вижу. Все мы ссоримся. Это передъ смертью.

— Ну, ужь это обрекай себя одного, пожалуйста,— возражаетъ Яковъ Петровичъ задумчиво.

И опять выражаетъ свои мысли вслухъ.

— Нѣтъ, я ужь больше не буду сидѣть въ этомъ тырлѣ сторожемъ! Кажется, скоро-скоро затрещитъ эта проклятая Лучезаровка...

Онъ развѣртываетъ кисетъ, насыпаетъ цыгарку махоркой и продолжаетъ:

— Дошло до того, что завяжи глаза да бѣги со двора долой! А все моя довѣрчивость дурацкая, друзья-приятели! Я всю жизнь былъ честенъ, какъ булатъ, я никому ни въ чемъ не отказывалъ... А теперь, что прикажете мнѣ дѣлать? На мосту съ чашкой стоять? Пулю въ лобъ пустить? «Жизнь игрока» разыграть? Вонъ у одного Арсентія Михалыча тысячу десятинь, да развѣ у нихъ есть догадочка помочь старику? А ужь самъ я по чужимъ людямъ не пойду кланяться! Я самолюбивъ, какъ порохъ!..

И, окончательно раздраженный, Яковъ Петровичъ совсѣмъ зло прибавляетъ:

— Однако, телиться-то нечего, надо за соломой отправляться!

Ковалевъ еще больше сгорбливается и запускаетъ руки въ рукава тулупа. Ему такъ холодно, что у него стынетъ кончикъ носа, но онъ все еще надѣется, что какъ-нибудь «обойдется»... можетъ быть, Судакъ подѣдетъ... Онъ отлично понимаетъ, что Яковъ Петровичъ ему одному предлагаетъ отправляться за соломой.

— Да вѣдь телиться!..—говоритъ онъ.—Вѣтеръ-то съ ногъ сшибаетъ...

— Ну, барствовать теперь намъ некогда!

— Побарствуешь, когда поясицу не разогнешь. Не молоденькіе тоже! Слава Богу, двумъ-то намъ подѣ сто сорокъ будетъ.

— Ужь, пожалуйста, не прикидывайся мерзлымъ бараномъ!

Яковъ Петровичъ тоже отлично понимаетъ, что одинъ Ковалевъ ничего не подѣлаетъ въ занесенномъ снѣгомъ ометѣ. Но онъ споконъ вѣку врагъ всякой логики и тоже надѣется, что «какъ-нибудь обойдется» безъ него.

Между тѣмъ въ «дѣвичьей» становится уже совсѣмъ темно, и Ковалевъ, наконецъ, рѣшается посмотрѣть, не ѣдетъ-ли Судакъ. Шаркая своими разбитыми ногами, онъ идетъ къ двери...

Яковъ Петровичъ неподвижно сидитъ, поджавъ подѣ себя одну ногу, пускаетъ черезъ усы дымъ, и такъ какъ ему уже очень хочется чаю, то мысли его принимаютъ нѣсколько иное направленіе.

— Гм!—бормочетъ онъ.—Какъ вамъ это покажется? Хорошо встрѣчаютъ праздничекъ помѣщики! Лопать, какъ собакѣ, хочется. Вѣдь неѣдалаго царства нѣту... Прежде хоть венгерцы ѣздили!.. Ну, погоди же, Судакъ проклятый!

Двери въ сѣнцахъ хлопаютъ, вбѣгаетъ Ковалевъ.

— Нѣту! — восклицаетъ онъ.—Какъ провалился! Что-жъ теперь дѣлать? Въ сѣнцахъ соломы чуть...

Въ снѣгу, въ тяжеломъ тулупѣ, маленькій и сгорбленный, онъ такъ жалокъ и безпомощенъ!

Яковъ Петровичъ вдругъ подымается.

— А вотъ я знаю, что дѣлать!—говоритъ онъ, осѣненный какой-то хорошей мыслью,—наклоняется и достаётъ изъ-подъ лавки топоръ.

— Эта задача очень просто разрѣшается,—прибавляетъ онъ, опрокидывая стулъ, стоявшій около стола, и взмахиваетъ топоромъ.—Таскай пока солому-то! Чортъ его побери совсѣмъ, мнѣ свое здоровье дороже, чѣмъ какое-нибудь стуло!

Ковалевъ, тоже сразу оживившійся (дѣло знакомое!), съ любопытствомъ смотритъ, какъ летятъ щепки изъ-подъ топора.

— Вѣдь тамъ, небось, еще на потолкѣ много?—подхватываетъ онъ.

— Валяй на чердакъ да самоваръ встрясай!

Въ растворенную дверь несетъ холодомъ, пахнетъ снѣгомъ... Ковалевъ, спотыкаясь, таскаетъ въ «дѣвичью» солому, ручки старыхъ креселъ съ чердака...

— За милую душу истопимъ,—твердитъ онъ.—Крендели еще есть... Яицъ бы напечь.

— Тащи ихъ на-конь. А то сидимъ плакучими ивами!..

III.

Медленно протекаетъ зимній вечеръ въ Лучезаровкѣ. Не смолкая бушуетъ метель за окнами...

Но теперь старики уже не прислушиваются къ ея шуму. Запасшись дровами, они поставили въ сѣнцахъ самоваръ, затопили въ кабинетѣ, печку, и оба сѣли около нея на корточки.

Славно охватываетъ тѣло тепломъ! Иногда, когда Ковалевъ запихивалъ въ печку большую охапку холодной соломы, кругомъ воцарялся мракъ, и глаза Флембо, которая тоже пришла погрѣться къ двери кабинета, какъ два изумрудные камня, сверкали въ темнотѣ. А въ печкѣ глухо гудѣло: просвѣчивая то тутъ, то тамъ сквозь солому и бросая на потолокъ кабинета мутно-красныя, дрожащія полосы свѣта, медленно разрасталось и приближалось гудящее пламя къ устью, прыскали, съ трескомъ лопаясь, хлѣбныя зерна... Мало-по-малу озарялась вся комната. Пламя совсѣмъ завладѣвало соломою, и когда отъ нея оставалась только дрожащая грудка «жара», словно раскаленныхъ, золотисто-огненныхъ проводовъ, когда эта грудка опала, блекла, Яковъ Петровичъ скидывалъ съ себя пальто, садился задомъ къ печкѣ и поднималъ на спинѣ рубаху.

— Аа, аа,—говорилъ онъ.—Славно спину-то нажать! Гервасій Тимофеевичъ, дери!

Ковалевъ принимался чесать ему спину.

— Аа, аа!—повторялъ Яковъ Петровичъ, и когда его толстая спина становилась багровою, отскакивалъ отъ печки и накидывалъ тулупъ.

— Вотъ такъ пробрало! А то вѣдь бѣда безъ бани... Ну, да ужъ нынѣшній годъ обязательно поставлю!

Это «обязательно» Ковалевъ слышитъ каждый годъ, но каждый годъ съ восторгомъ принимаетъ мысль о банѣ.

— Добро милое! Бѣда безъ бани,—соглашается онъ, нагрѣвая у печки и свою худощавую спину.

Когда дрова и солома прогорѣли, Ковалевъ долго и заботливо поджаривалъ въ печкѣ крендели, отклоняя отъ жара пылающее лицо. Въ темнотѣ, озаренный красноватымъ жерломъ печки, онъ казался бронзовымъ изваяніемъ, а Яковъ Петровичъ хлопоталъ около самовара.

Наконецъ, онъ налилъ себѣ въ кружку чаю, поставилъ ее около себя на лежанкѣ, закурилъ и, немного помолчавъ, вдругъ спросилъ:

— А что-то теперь подѣлываетъ премилая сова?

Какая сова? Ковалевъ хорошо знаетъ, какая сова. Можетъ быть, уже лѣтъ 25 тому назадъ онъ подстрѣлилъ сову и гдѣ-то на ночлегѣ сказалъ эту фразу, но фраза эта почему-то не забылась и, какъ десятки другихъ, повторяется Яковомъ Петровичемъ и Ковалевымъ. Сама по себѣ она, конечно, не имѣетъ смысла, но отъ долгаго употребленія стала смѣшной и, какъ другія подобныя, влечетъ за собой много воспоминаній.

Очевидно, Яковъ Петровичъ совсѣмъ повеселѣлъ и приступаетъ къ мирнымъ разговорамъ о быломъ. И Ковалевъ стоитъ съ веселой, задумчивой улыбкой, наливая себѣ чаю.

— А помните, Яковъ Петровичъ?—начинаетъ онъ...

Медленно протекаетъ зимній вечеръ въ Лучезаровкѣ, но тепло и свѣтло въ маленькомъ кабинетѣ. Все въ немъ такъ просто, незатѣйливо, по старинному: желтенькіе обои на стѣнахъ, украшенныхъ выцвѣтшими фотографіями, вы-

шитыми шерстью картинами (собака, швейцарскій видъ), низкій потолокъ обклеенъ «Сыномъ Отечества»; передъ окномъ дубовый письменный столъ и старое, высокое и глубокое кресло; у одной стѣны большая кровать краснаго дерева съ ящиками, надъ кроватью рогъ для гончихъ, ружье, пороховница, въ углу образчикъ съ темными иконами... И все это родное, давно-давно знакомое!

Старики сыты и согрѣлись. Яковъ Петровичъ сидитъ въ валенкахъ и въ одномъ бѣльѣ. Ковалевъ—въ валенкахъ и поддевочкѣ... Долго играли въ шашки, долго занимались своимъ любимымъ дѣломъ, осматривали одежду—нельзя-ли какъ-нибудь вывернуть?—искроили на шапку старую «тужурку»; долго стояли у стола, мѣрили, чертили мѣломъ.

Настроение у Якова Петровича давно уже самое благодушное. Только въ глубинѣ души шевелится какое-то грустное чувство. Завтра праздникъ, онъ одинъ... Спасибо Ковалеву, что хоть онъ не забылъ!

— Ну,—говоритъ Яковъ Петровичъ,—возьми-ка эту шапку себѣ.

— А вы-то какъ-же?—спрашиваетъ Ковалевъ.

— У меня есть.

— Да вѣдь она вязаная?

— Такъ что-жь? Безподобная шапка.

— Ну, покорнѣйше благодаримъ.

У Якова Петровича страсть дѣлать подарки. Да и не хочется ему шить...

— Который-то теперь часъ?—размышляетъ онъ вслухъ.

— Теперь?—спрашиваетъ Ковалевъ.—Теперь десять. Вѣрно, какъ въ аптекѣ. Я ужъ знаю.

— Скука безъ часовъ,—перебиваетъ Яковъ Петровичъ, зная, что сейчасъ Ковалевъ начнетъ лгать, какъ онъ по двое золотыхъ часовъ наживалъ, когда былъ казачкомъ у своего барина и жилъ съ нимъ въ Петербургѣ. Но Ковалевъ оживился, и его уже трудно перебить.

— Бывало, въ Петербургѣ,—говоритъ онъ...

— Да и брешешь же ты, братъ!—замѣчаетъ Яковъ Петровичъ ласково.

— Да нѣтъ, вы позвольте, не фрапируйте сразу-то! Яковъ Петровичъ разсѣянно улыбается. У него свои думы.

— То-то, должно быть, въ городѣ-то теперъ!—говоритъ онъ, усаживаясь на лежанку съ гитарой.—Оживленіе, блескъ, суета! Начнутся собранія, маскарады!

И уже дружно начинаются воспоминанія о клубахъ. о томъ, сколько когда выигралъ и проигралъ Яковъ Петровичъ, какъ иногда Ковалевъ во-время уговаривалъ его уѣхать изъ клуба. Идетъ оживленный разговоръ о прежнемъ благосостояніи Якова Петровича. Онъ говоритъ:

— Да, я много надѣлалъ ошибокъ въ своей жизни. Мнѣ не на кого пенять. А судить меня будетъ, ужъ видно, Богъ, а не Глафира Яковлевна и не зятекъ миленькій. Что-жь, я бы рубашку имъ отдалъ, да у меня и рубашекъ-то нѣту... Вотъ я ни на кого никогда не имѣлъ злобы больше десяти минутъ... Ну, да все прошло, пролетѣло.. Сколько было родныхъ и знакомыхъ, сколько друзей-пріятелей—и все это въ могилѣ!

Лицо Якова Петровича задумчиво и кротко. Онъ тихо играетъ на гитарѣ и поетъ старинный, грустный романсъ, мягкій и нѣжный, какъ почти всѣ старинныя пѣсни.

Что-жь ты замолкъ и сидишь одиноко?—

поетъ онъ въ раздумьи.

Что-жь ты замолкъ и сидишь одиноко?

Дума лежитъ на угрюмомъ челѣ...

Иль ты не видишь бокаль на столѣ?

И повторяетъ съ особенной задушевностью:

Иль ты не видишь бокаль на столѣ?

Долго на свѣтѣ не зналъ я пріюту...

разбитымъ голосомъ подтягиваетъ Ковалевъ, сгорбившись въ старомъ креслѣ и глядя въ одну точку передъ собою.

Долго на свѣтѣ не зналъ я пріюту...

вторигъ Яковъ Петровичъ подъ гитару.

Долго носила земля сироту,
Долго имѣлъ я въ душѣ пустоту!...

Вѣтеръ бушуетъ и рветъ съ флигеля крышу. Шумъ у крыльца... Эхъ, еслибы хоть кто-нибудь пріѣхалъ! Даже старый другъ, Софья Павловна, забыла...

И, покачивая головою, Яковъ Петровичъ продолжаетъ:

Разъ въ незабвенную жизни минуту,
Разъ я увидѣлъ созданье одно,
Въ коемъ все сердце мое вмѣщено...
Въ коемъ все сердце мое вмѣщено...

Эхъ, давно—давно это было! Все прошло, пролетѣло... Грустныя думы клонятъ голову... Но печальной удалю звучитъ пѣсня:

Что-жъ ты замолкъ и сидишь одиноко?
Стукнемъ бокаль о бокаль и запьемъ
Грустную думу веселымъ виномъ!..
Грустную думу веселымъ виномъ!..

— Не пріѣхала-бы барыня,—говоритъ Яковъ Петровичъ, дергая струны гитары и кладя ее на лежанку. И старается не глядѣть на Ковалева.

— Кого!—отзывается Ковалевъ.—Очень просто.

— Избавь Богъ, плуствуетъ... Въ рогъ-бы потрубить... на всякій случай... Можетъ быть, Судакъ ѣдетъ. Вѣдь замерзнуть-то недолго. По человѣчеству надо судить...

Черезъ минуту старики стоятъ на крыльцѣ. Вѣтеръ рветъ съ нихъ одежду. Дико и гулко заливаются старый рогъ на разные голоса. Вѣтеръ подхватываетъ его звуки

и несетъ въ непроглядную степь, въ темноту бурной ночи.

— Гопъ-гопъ!—кричитъ Яковъ Петровичъ.

— Гопъ-гопъ!—вторитъ Ковалевъ.

И долго потомъ, настроенные на героическій ладъ, не унимаются старики. Только и слышится:

— Понимаешь? Онѣ тысячами съ болота на овсяное поле! Шапки сбиваютъ!.. Да все матерья, кряковья! Какъ ни рѣзну—просто каши наварю!.. А тутъ смотрю, Афанасій Николаевичъ Вечесловъ спѣшитъ... Батюшки мои—пошла потѣха!

Или:

— Вогъ, понимаешь, я и сталъ за сосной. А ночь мѣсячная—хоть деньги считай! И вдругъ претъ... Лобище вотъ этакій... Какъ я его брызну!

— А помните,—подхватываетъ Ковалевъ—какъ въ «Гремячемъ Островѣ»?..

Потомъ идутъ случаи замерзанія, неожиданнаго спасенія... Потомъ восхваленіе Лучезаровки.

— До смерти не разстанусь!—говоритъ Яковъ Петровичъ.—Я все-таки тутъ самъ себѣ голова, какъ Адамъ въ раю. Имѣніе, надо правду сказать, золотое дно. Еслибы немножко мнѣ перевернуться! Сейчасъ всѣ 28 десятинъ—картофелемъ, банкъ—долой, и опять я кумъ королю.

IV.

Всю долгую ночь бушевала въ темныхъ поляхъ вьюга.

Старикамъ казалось, что они легли спать очень поздно, но что-то не спится имъ. Ковалевъ глухо кашляетъ, съ головой закрытый тулупомъ; Яковъ Петровичъ ворочается и отдувается: ему жарко. Къ тому же слишкомъ ужъ грозно буря потрясаетъ стѣны флигеля и слѣпнеть и

засыпаетъ снѣгомъ окна! Слишкомъ непріятно дребезжатъ разбитыя стекла въ гостиной! Жутко тамъ теперь, въ этой холодной, необитаемой гостиной! Она пустая, мрачная, потому что потолки въ ней низки, амбразуры маленькихъ оконъ глубоки. Ночь же такая темная! Смутно отсвѣчиваютъ свинцовымъ блескомъ стекла. Если даже прильнешь къ нимъ, то развѣ едва-едва различишь забитый, занесенный сугробами садъ... А дальше—полный мракъ и метель, метель...

И старики сквозь сонъ инстинктивно чувствуютъ, какъ одинокъ и беспомощенъ ихъ хуторокъ въ этомъ бушующемъ морѣ степныхъ снѣговъ. Ковалевъ трусливъ, и поэтому ему все представляется, какъ когда-то давно-давно въ этой гостиной на раздвинутомъ банкетномъ столѣ, на снѣгѣ, покрытомъ простыней, лежала полная и важная покойница, сестра Якова Петровича. Сколько тогда наѣхало на дворъ Лучезаровки сосѣдей, сколько толпилось дворни, свободно вздохнувшей по случаю смерти барыни! И все покойники!.. И кажется Ковалеву, что онъ опять стоитъ въ изголовьи усопшей и читаетъ псалтырь. Двери изъ гостиной затворены во всѣ комнаты, тамъ много народу, но все-таки Ковалевъ боится и стоитъ, какъ въ туманѣ. Блики свѣта отъ мерцающихъ свѣчъ, какъ по желтой мѣди, скользятъ по лицу мертвеца. Въ комнатѣ еще синѣетъ дымъ кадила... Дымъ этотъ почему-то все сгущается, потолокъ опускается все ниже и ниже, грудь покойницы подымается... она хочетъ вздохнуть... и не можетъ... что-то давитъ ей грудь, и Ковалеву давитъ, и страшно имъ обоимъ... И Ковалевъ вскакиваетъ съ сильно бьющимся сердцемъ.

— Ахъ ты, Господи, Господи!—слышится его бормотанье въ тихомъ кабинетѣ.

Но опять странной дремотой обвѣваетъ его монотонный шумъ метели. Онъ кашляетъ все тише и рѣже, медленно задремываетъ, словно погружается въ какое-то безконечное пространство... Но опять сквозь сонъ чувствуетъ

ся что-то зловѣщее... Онъ слышитъ... Да шаги! Тяжелые шаги наверху гдѣ-то... По потолку кто-то ходитъ. Ковалевъ быстро приходитъ въ сознаніе, но тяжелые шаги ясно слышны и теперь... Скрипитъ матица.

— Яковъ Петровичъ!—говоритъ онъ.—Яковъ Петровичъ!

— А? Что?—спрашиваетъ Яковъ Петровичъ.

— А вѣдь по потолку-то кто-то ходитъ.

— Кто ходитъ?

— А вы послушайте-ка!

Яковъ Петровичъ слушаетъ: ходитъ!

— Да нѣтъ, это всегда такъ,—вѣтеръ,—говоритъ онъ, наконецъ, зѣвая.—Да и трусь же ты, братъ! Давай-ка лучше спать.

И правда, сколько уже было толковъ про эти шаги на потолкѣ! Каждую непогожую ночь!

Но все-таки Ковалевъ, задремывая, долго шепчетъ съ глубокимъ чувствомъ, втягивая въ себя воздухъ:

— Живой въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога Небеснаго... Не убоишися отъ страха ночнаго, отъ стрѣлы, летящія во дни... На аспида и василиска наступиши и попереши льва и змія...

И Якова Петровича что-то беспокоитъ во снѣ. Подъ шумъ метели мерещится ему то гулъ вѣкового бора, то звонъ отдаленнаго колокола; слышится невнятный лай собакъ гдѣ-то въ степи, крикъ работника Судака... Вотъ шуршатъ подѣзжающія къ крыльцу сани, скрипятъ чьи-то лапти по мерзлomu снѣгу въ снѣгахъ... И сердце Якова Петровича сжимается отъ боли и ожиданія: это дѣйствительно подѣзжаютъ къ крыльцу его сани, но въ саняхъ—Софья Павловна, Глаша... подѣзжаютъ медленно, забитыя снѣгомъ, еле видныя въ темнотѣ бурной ночи... ѣдутъ, ѣдутъ, но почему-то мимо дома, все дальше, дальше... Ихъ увлекаетъ метель, засыпаетъ ихъ снѣгомъ и у Якова Петровича подступаютъ слезы къ горлу, и онъ торопливо ищетъ рога... хочетъ трубить имъ, звать ихъ... И, почти

задохнувшись отъ напряженія, онъ внезапно просыпается.

— Чортъ знаетъ, что такое!—бормочетъ онъ, отдуваясь.

— Что это вы, Яковъ Петровичъ?—откликается Ковалевъ.

— Не спится, братъ! А ночь давно, должно бытъ!

— Да, давненько!

— Зажигай-ка свѣчку-то, да закуривай!

Кабинетъ озаряется. Щурясь отъ свѣчки, пламя которой колеблется передъ заспанными глазами, какъ лучистая, мутно-красная звѣзда, старики сидятъ, курятъ, съ наслажденіемъ чешутся и отдыхаютъ отъ сна видѣній.. Хорошо проснуться въ долгую зимнюю ночь въ теплой, родной комнатѣ, покурить, мирно поговорить, разогнать жуткія ощущенія веселымъ огонькомъ!

— А я,—говоритъ Яковъ Петровичъ, сладко зѣвая,— а я сейчасъ вижу во снѣ, какъ ты думаешь, что?.. Вѣдь приснится же!.. Будто я въ гостяхъ у турецкаго султана!..

Ковалевъ сидитъ на полу, сторившись (какой онъ старенькій безъ поддепочки и со сна!), улыбается и въ раздумьи отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, это что—у турецкаго султана! Вотъ я сейчасъ видѣлъ... Вѣрите-ли? Одинъ за однимъ, одинъ за другимъ... съ ожками, въ пиджачкахъ... малъ мала меньше... Да вѣдь какого транташа около меня раздѣлываютъ!

Оба врутъ. Они видѣли эти сны, даже не разъ видѣли, но совсѣмъ не въ эту ночь, и слишкомъ часто рассказываютъ ихъ они другъ другу, такъ что давно другъ другу не вѣрятъ. И все-таки рассказываютъ. И, наговорившись, въ томъ же благодушномъ настроеніи они тушатъ свѣчу, укладываются, одѣваются потеплѣй, надвигаютъ на лобъ шапки и засыпаютъ «сномъ праведника»...

Медленно наступаетъ день, но кажется, что это сумерки. Темно, угрюмо, и буря не унимается. Суробы подъ окнами почти прилегаютъ къ стекламъ и возвышаются до

самой крыши. Отъ этого въ кабинетѣ стоитъ какой-то странный, блѣдный сумракъ...

Вдругъ съ шумомъ летятъ кирпичи съ крыши. Вѣтеръ повалилъ трубу...

Это плохой знакъ: скоро, скоро, должно быть, и слѣда не останется отъ Лучезаровки!

Изданія Н. Парамонова „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на Дону.

- 1 В. Г. Короленко—Пріемышъ . . . 2 к.
 2 В. І. Дмитріева—Майна-вира . . . 3 к.
 3 Е. Н. Чириковъ—Маленькій грѣшникъ 1 к.
 4 Л. Н. Андреевъ—Баргамотъ и Гараська [съ картинк.] . . . 1½ к.
 5² Кретцеръ—Исторія черн. сюртука 1 к.
 6 Кравдіевская—Для души . . . 2 к.
 7 Е. Н. Чириковъ—Свинья . . . 2 к.
 8² В. И. Немировичъ-Данченко—Старый замокъ 3 к.
 9 А. И. Свирскій—Забракованный . . . 2 к.
 10² Костанъ—Ошибка 3 к.
 11 В. І. Дмитріева—Ее всѣ знаютъ . . . 3 к.
 12 К. М. Станюковичъ—За „Щупленькаго“ 2 к.
 13 И. И. Митропольскій—Вода . . . 2 к.
 14² А. Серафимовичъ—Местъ . . . 3 к.
 15 Л. Мельшицъ—Искорка . . . 3 к.
 16 Л. Мельшицъ—Чортовъ Яръ . . . 4 к.
 17 Л. Н. Андреевъ—Гостинецъ . . . 2 к.
 18 Л. Н. Андреевъ—Петька на дачѣ . . . 2 к.
 19 В. І. Дмитріева—Мама на войнѣ . . . 3 к.
 20 Л. Андреевъ—Въ Сабуровѣ . . . 2 к.
 21 И. П. Бѣлоконскій—Страховка . . . 2 к.
 22 П. А. Евашева—Мой день . . . 2 к.
 23 В. Г. Короленко—Ночью [съ рис. Е. Бемъ] 5 к.
 24 Н. И. Тимковскій—Среди людей . . . 5 к.
 25 С. Ф. Русова—Биографія Гарибальди [съ портр.] 4 к.
 26 С. Т. Семеновъ—Отчего Парашка не выучилась грамотѣ . . . 3 к.
 27 Н. Н. Златовратскій—Мечтатели . . . 4 к.
 28 П. Данченко. Махмудкины дѣти . . . 3 к.
 29 Э. Ожешко—Гедали 3 к.
 30 С. Юшневичъ—Хаимка и Госька . . . 2 к.
 31 В. Вересаевъ—Въ пути 1 к.
 32 И. Франко—Самъ виноватъ . . . 1½ к.
 33 И. Алексѣевъ—Изъ-за хлѣба насушнаго, „Лишний“ 1½ к.
 34 Серафимовичъ—Стрѣлочникъ . . . 3 к.
 35 В. Вересаевъ—Въ сухомъ туманѣ . . . 2 к.
 36 И. И. Митропольскій—Отсрочка . . . 1 к.
 37 А. Яблоновскій—Удружилъ . . . 1 к.
 38 И. Франко—Хорошій зароботокъ 1 к.
 39² Мать (перев. съ арм.) 1½ к.
 40 Остов—Поденщикъ 2 к.
 41 Некрасовъ и Нинитицъ—Избранныя стихотворенія 4 к.
 42 И. А. Вуинъ—Байбаки 3 к.
 43 А. И. Петровскій—Не дался . . . 1 к.
 44 В. І. Дмитріева—Бѣлыя крылья . . . 2 к.
 45 А. Серафимовичъ—Въ бурю . . . 3 к.
 46 А. Яблоновскій—Конокрадъ . . . 3 к.
 47 И. Франко—На днѣ 9 к.
 48² Какъ сицилійск. крестьяне улучшили свое положеніе 6 к.
 49 В. И. Немировичъ-Данченко—Воскресшая пѣснь 5 к.
 50 В. Вересаевъ—Повѣтріе 4 к.
 51 И. П. Бѣлоконскій—Деревня Печальная 3 к.
 52 В. І. Дмитріева—Волки 3 к.
 53² Серафимовичъ—Степные люди . . . 3 к.
 54 Н. Митропольскій—На плотахъ . . . 3 к.
 55 Короленко—Черкесъ (съ 2 рис.) . . . 4 к.
 56 В. Вересаевъ—Звѣзда (восточн. сказка) 1½ к.
 57 Н. Д. Телешовъ—Противъ обычая . . . 2 к.
 58 Яблоновскій—Въ консультаціи . . . 3 к.
 59 Пѣсни труда 5 к.
 60 Темный—Сироткинъ (изъ жизни рабочихъ) 3 к.
 61 Только часть, А. Кравдіевской и др. рассказы 10 к.
 62 И. Вуинъ—Надъ городомъ . . . 1 к.
 63 Елпатыевскій—Отлетаетъ мой соколикъ (изъ сибирск. жизни) . . . 2 к.
 64 К. Станюковичъ—Эмигрантъ . . . 3 к.
 65 Избранныя стихотворенія С. Я. Надсона и др. поэтовъ 3 к.
 66 Л. Андреевъ—Ангелочекъ . . . 3 к.
 67 Л. Андреевъ—Жили-были . . . 3 к.
 68 Сниталецъ—Атаманъ 2 к.
 69 Серафимовичъ—Въ камышахъ . . . 2 к.
 70 Н. Рубаницъ—Дѣдушка Время . . . 7 к.
 71 А. Яблоновскій—Завѣтная мечта 3 к.
 72 С. Елпатыевскій—Присяжнымъ засѣдателемъ 2 к.
 73 Вересаевъ—Къ спѣху 1 к.
 74 А. Серафимовичъ—На лядинѣ . . . 3 к.
 75 Л. Мельшицъ—Маленькіе люди . . . 4 к.
 76 Е. И. Булгакова—Что за страна Японія 5 к.
 77² Яковлева—Свидѣтель 8 к.
 78 Н. Д. Телешовъ—Хлѣбъ-соль . . . 1½ к.
 79² С. Русова—На счастливыхъ островахъ 6 к.
 80 В. Г. Короленко—Соколинецъ . . . 7 к.
 81 Е. Н. Чириковъ—Коля и Колька . . . 2 к.
 82 С. Елеонскій—Огорченіе 3 к.
 83 С. Русова—Братья Гракхи . . . 3 к.
 84 Н. Телешовъ—Нужда 1½ к.
 85 Избр. стихотв. Алексѣя Толстого и др. поэтовъ 3 к.
 86² Молодая жизнь 7 к.
 87 Э. Золя—Кровь 3 к.
 88 Танъ—Едка въ Америкѣ 3 к.
 89 Г. И. Успенскій—Будка 3 к.
 90 В. Г. Короленко—Мгновеніе и Огоньки 2 к.
 91 Пѣсня мира. Сборн. стих. 2 к.
 92 В. Н. Данченко.—Соловьиная ночь 1 к.
 93 И. П. Бѣлоконскій—Страшное мѣсто 1½ к.

Изданія Н. Парамонова „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на Дону.

94 О. Мирбо—Бродяга 1 к.	126 Погорѣловъ—Въ глуши . . . 3 г.
95 Голодь-властелинъ 12 к.	127 Юшкевичъ-Кабатчикъ Гейманъ 1 к.
96 Н. И. Тамбовскій—Травля . . 5 к.	128 Наживинъ—Въ степи . . . 1½ к.
97 Наживинъ—Волось Мадонны 1 к.	129 Конопницкая-Мендель Гданскій 3 к.
98 Н. Франко—Къ свѣту 3 к.	130 А. Пругавинъ—Милліонъ . . . 6 к.
99 Е. Чириковъ—Въ отставку . . 7 к.	131 Осиповичъ—Въ лѣтнюю ночь 2 к.
100 Зарницы—Сборникъ стихотво-
реній 5 к.	132 Гези—Благотворительность . 2 к.
101 Л. Андреевъ—На станціи . . . 1 к.	133 Какъ люди живутъ 3 к.
102 И. Буяичъ—На край свѣта 1½ к.	134 Какъ нѣмцы добыли себѣ свободу 3 к.
103 Н. Рубакинъ—Искорки 5 к.	135 Юшкевичъ. Левко Гемъ 3 к.
104 В. Короленко—Марусина за-
имка 10 к.	136 Бавурцевъ—Какъ выбирать
народн. представителей 1 к.
105 П. Я. (Л. Мельшинъ)—Избран-
ныя стихотворенія 6 к.	137 Разрушенный молъ 1 к.
106 Л. Н. Андреевъ—Въ темную
даль 3 к.	138 Успенскій—Неизлѣчимый . . . 5 к.
107 Л. Н. Андреевъ—Валя 2 к.	139 Бунинъ—Черноземъ 3 к.
108 В. Вересаевъ—Объ одномъ
домѣ 3 к.	140 Л. Андреевъ—Предстояла
кража 1½ к.
109 В. Короленко—Послѣдній лучъ 3 к.	141 Конопницкая—Дымъ 1½ к.
110 В. Короленко—Морозъ 4 к.	142 Национальное собраніе 1½ к.
111 Л. Мельшинъ—Въ плѣну . . . 3 к.	143 Новая нагорная проповѣдь . . 2 к.
112 М. Сибирякъ—Въ худыхъ ду-
шахъ 4 к.	144 Мѣстное самоуправленіе . . . 3 к.
113 Чириковъ—Танино счастье . . 7 к.	145 Права челоуѣка и гражда. нина 1½ к.
114 Н. Рубакинъ—Книгоноша . . 12 к.	146 Въ странѣ свободныхъ крест.
(Норвегія) 2 к.
115 Короленко—Сказаніе о Флорѣ 3 к.	147 Вирскій—Безъ исхода 3 к.
116 Л. Андреевъ—Весеннія объ-
щанія 3 к.	148 О земельномъ вопросѣ въ Нов.
Зеланд. 2 к.
117 И. Наживинъ—Ложь 1½ к.	149 Сонъ подъ 1-е мая 3 к.
118 Суздальцевъ—Остлеръ, другъ
фабричныхъ дѣтей 3 к.	150 Пауки и мухи (на рус. и малорос.
яз.) 1 к.
119 Крюковъ—Въ родныхъ мѣст. 5 к.	151 Сказаніе о царѣ Симеонѣ . . . 5 к.
120 В. Г. Короленко—Государевы
ямщики 7 к.	152 Хватить ли на всѣхъ земли . . 2 к.
121 М. Конопницкая—Яктонъ . . 1½ к.	153 Что такое государственная
роспись 2 к.
122 А. Яблоновскій—Нухимъ . . . 3 к.	154 Бѣгство короля 2 к.
123 П. Бутошинъ—Случай № 212 1 к.	155 Национальн. рада (на малорос.) 2 к.
124 С. Русова—Какъ болгары добы-
ли себѣ свободу 6 к.	171 Серафимовичъ—Поль земли . . 3 к.
125 В. Короленко—На затменіи . . 3 к.	172 О. Зноуецкій—Въ чертѣ
свѣдлости 1½ к.
	173 Ив. Наживинъ—Братья 2 к.

Склады книгоиздательства „Донская Рѣчь“:
въ Ростовѣ на Дону, Казанская ул., № 42.

С.—Петербургъ, Спасскій переулочъ, № 5.

Лица, выписывающія на 3 руб., въ предѣлахъ Европ. Россіи (просятъ деньги присылать впередъ, можно марками), за пересылку не платятъ.

Книжные магазины пользуются 30% скидкой.

ОТДѢЛЕНІЯ:

Въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ „Трудъ“, книж. магаз. Путиловой
Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ „Образованіе“, Ришельевская ул.
Въ Вяткѣ, въ Саратовѣ и Харьковѣ въ книжныхъ складахъ губерн-
скихъ земствъ.

Дозв. ценз. Ростовъ н-Д. Типографія „Донская Рѣчь“.